

Бекреева Юлия Викторовна

кандидат филологических наук,
докторант кафедры речеведения
и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Yuliya Bekreyeva

PhD in Philology, Post-PhD Researcher
of the Department of Speech
and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
bekreyeva@mail.ru

**ИНФЕРЕНЦИЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА
В МИНИМАЛЬНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ
С ГЛАГОЛОМ-ПРЕДИКАТОМ**

**INFERENCE OF A PERSON'S CHARACTERISTICS
IN A MINIMAL SYNTACTIC CONSTRUCTION
WITH A VERB-PREDICATE**

Статья посвящена проблеме выводного знания о человеке, которое хранится в семантике глагола и актуализируется при его употреблении в речи в функции предиката. Новизна исследования состоит в эмпирическом обосновании способности глагола транслировать информацию о свойствах человека как участника обозначаемого события. Автор представляет результаты психолингвистического эксперимента, направленного на выявление имплицитного знания о характеристиках человека, выводимого с разной долей вероятности из семантики глаголов социальных действий и отношений. Установлены степень импликации определенных характеристик человека в семантике исследуемых глаголов, интегральные смысловые опоры, задействованные испытуемыми при инференции характеристик субъекта действия, и используемые ими стратегии выводного знания.

Ключевые слова: инференция; глагол; характеристика человека; психолингвистический эксперимент; стимул; реакция; импликационал.

The article is devoted to the problem of inferential knowledge about a person, which is stored in the semantics of a verb and is actualized when it is used in speech as a predicate. The author presents the results of a psycholinguistic experiment aimed at identifying implicit knowledge about a person's characteristics, which is inferred with varying degrees of probability from the semantics of verbs of social actions and relations.

Key words: inference; verb; characteristics of a person; psycholinguistic experiment; stimulus; reaction; implicational.

Цель статьи – раскрыть особенности актуализации имплицитного знания о человеке при восприятии глагола-предиката со значением социального действия или отношения. Актуальность поставленной цели определяется поиском новых, научно обоснованных фактов проявления

антропоцентризма в языковых структурах. Как отмечает Н. Н. Болдырев, «именно человек как познающий и как говорящий на определенном языке субъект формирует значения, а не воспроизводит их в готовом виде <...> и именно говорящий субъект сознательно осуществляет выбор языковых средств выражения для описания той или иной ситуации» [1, с. 13]. Глаголы социальных действий и отношений именуют фрагменты жизни социума и человека как социального существа, поэтому представление о человеке является естественной точкой отсчета в семантике таких единиц [2, с. 296]. Вместе с тем ввиду частеречной специфики глагольного значения (обозначение процесса, действия, события, положения дел [3, с. 234]) признаки, отражающие представление о человеке, следует рассматривать как периферийные компоненты, «индуцируемые интенционалом значения в силу импликационных связей признаков» [4, с. 164]. Таким образом, глагол социальных действий и отношений как носитель имплицитной информации о человеке «вплетается в систему живого знания и теряет статическую связь с референтом, взамен приобретая возможность динамической трансформации с учетом выводимых смыслов» [5, с. 250].

Процесс выведения информации, имплицитно представленной в значении языковых единиц, определяется как инференция [3, с. 411; 5, с. 250]. О. В. Голубева обращает внимание на эвиденциальный характер инференции: смысловое переживание значения при восприятии языковой единицы, помещенной в контекст, базируется на выводимых «свидетельствах» прежнего опыта реципиента, интегрирующих языковые и энциклопедические знания [6, с. 6]. Человек конструирует понимание о характере другого через наблюдение за действиями в пространстве и времени. Атрибуция характеристики субъекта действия представляет собой инференцию причинно-следственных связей, в результате которой наблюдаемые действия соотносятся с гипотетическими мотивами, способностями и возможностями субъекта действия [7, р. 21–22].

Словесное описание деятельности замещает непосредственное наблюдение за поведением человека и служит особым способом концептуализации, который заключается в познании личности человека, о действиях которого говорится на основе восприятия и интерпретации языковых знаков (глаголов), избранных автором высказывания для передачи мысли. Реципиент высказывания (читатель или слушатель) производит инференцию имплицитной информации, опираясь на собственные знания о значении, системных лексических связях, сочетаемости глаголов; на память о контекстах употребления глаголов из прочтенного, услышанного ранее; на «опыт жизни», связанный с наблюдением за людьми или собственным

участием в определенных ситуациях и освоенный словесно (внутренняя речь как интериоризация опыта или внешняя речь как коммуникация с другими).

Представленные тезисы послужили теоретической основой для психолингвистического эксперимента, направленного на выявление имплицитного знания о характеристиках человека, выводимого с разной долей вероятности из семантики глаголов социальных действий и отношений. В ходе психолингвистического эксперимента заданный стимул в форме вербального описания социального действия или отношения активизирует ассоциативно-смысловые связи у реципиентов (участников эксперимента), которые в соответствии с заданием производят вербальную реакцию – результат инференции.

Эксперимент проводился на материале белорусского языка в дистанционном формате на платформе psytoolkit.org [8]. В качестве стимула избрана синтаксическая конструкция, которая выступает минимальным контекстуальным условием для актуализации лексико-семантического варианта «социальное действие / отношение». Такая конструкция предполагает помещение глагола-предиката в двучленную актантную рамку, в которой позиции субъекта и объекта занимают номинации человека. Категория «Человек» является «длинным семантическим компонентом» для стимула, обеспечивающим семантическую согласованность всех его структурных частей [9, с. 257–258] и направляющим процесс инференции на отмеченную в задании «характеристику человека».

Ключевым в конструкции, ее семантическим центром, является глагол-предикат, поскольку актанты выражены максимально обобщенными и неопределенными словами (*чалавек, іншыя*), например, *Чалавек **шкадуе** іншых*.

Первое задание эксперимента было направлено на проверку инференции «посылка – вывод» и предполагало оценку смысловой связанности двух предложений: описания действия (основная стимульная конструкция) и описание характеристики человека. Последнее предложение завершалось вопросительным знаком для стимулирования оценки респондентов, например: *Чалавек ахвяруе іншым. Ён шчодры?* Респонденты отмечали «да», если считали, что описание верное, и «нет», если были не согласны с этим описанием. Время ответа было ограничено 7 секундами. Эксплицитные характеристики, выраженные прилагательными, были подобраны автором эксперимента как гипотетически вероятные или маловероятные признаки предполагаемого субъекта действия или отношения, обозначенного глаголом.

Второе задание было организовано как направленный ассоциативный эксперимент. Респондентам дали установку «назвать первую характеристику, которая пришла на ум» в ответ на стимул, представляющий собой неоконченное предложение. Для направления ассоциирования на интересующий нас признак (характеристика человека) в конструкцию стимула введен союз *які*, например, *Чалавек, які даглядае іншага...* Время ответа было ограничено 30 секундами.

В эксперименте приняли участие 100 человек в возрасте от 19 до 65 лет. В анкетных данных на вопрос «На якім узроўні вы валодаеце беларускай мовай?» 47 % респондентов ответили, что свободно владеют языком в повседневной и профессиональной жизни, из них 9 % указали, что они носители языка и разговаривают по-белорусски с детства; 40 % описали языковую компетенцию как «магу размаўляць дастаткова добра, чытаю і разумею»; 13 % отметили пассивное владение, умение читать и понимать по-белорусски. Дальнейший анализ показал, что отсутствие ответа на некоторые стимулы встречалось как у первой группы респондентов (носители языка), так и у последней группы (пассивное владение). Трое респондентов отказались отвечать после первых нескольких стимулов, их данные были исключены из дальнейшей обработки результатов. В целом все респонденты выполнили более 70 % заданий. Среднее время реакции в первом задании составило 5,5 секунды, во втором задании – 12 секунд.

Данные первого задания эксперимента показывают, что респонденты достаточно быстро оценивают смысловую связанность действия и характеристики его исполнителя. Частота определенных реакций (положительных и отрицательных) указывает на вероятность проявления отмеченной характеристики у исполнителя действия, знание о которой хранится в языковом сознании носителей.

Представим результаты первого задания эксперимента в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Регулярность реакций на стимульные фразы эксперимента

Глагол	Характеристика	Положительный ответ	Отрицательный ответ
<i>прапаноўвае</i>	<i>ініцыятыўны</i>	96 %	4 %
<i>абараняе</i>	<i>смелы</i>	93 %	7 %
<i>ахвяруе</i>	<i>шчодры</i>	89 %	11 %
<i>папярэджвае</i>	<i>клапатлівы</i>	88 %	12 %

<i>клапоціцца</i>	<i>добры</i>	83 %	17 %
<i>ваюе</i>	<i>агрэсіўны</i>	75 %	25 %
<i>змагаецца</i>	<i>дужы</i>	70 %	30 %
<i>кіруе</i>	<i>уладны</i>	70 %	30 %
<i>аддае</i>	<i>шчыры</i>	66 %	34 %
<i>вучыць</i>	<i>адукаваны</i>	57 %	43 %
<i>спрачаецца</i>	<i>агрэсіўны</i>	56 %	44 %
<i>прыстасоўваецца</i>	<i>памяркоўны</i>	55 %	45 %
<i>ратуе</i>	<i>слабы</i>	0 %	100 %
<i>ашуквае</i>	<i>сумленны</i>	0 %	100 %
<i>губіць</i>	<i>добры</i>	0 %	100 %

В табл. 1 указаны пары стимулов с высоким процентом положительных ответов (свыше 80 %): *прапаноўвае* – *ініцыятыўны*, *абараняе* – *смелы*, *ахвяруе* – *шчодры*, *папярэджвае* – *клапатлівы*, *клапоціцца* – *добры*. В контексте стохастической модели значения М. В. Никитина [4] характеристики, имеющие большую долю вероятности, можно рассматривать как признаки сильного импликационала для стимульного глагола.

К слабоимпликациональным признакам относятся характеристики с частотой положительных ответов в диапазоне от 79 до 50 %: вероятность их актуализации в обозначенной ситуации действия в равной степени возможна и проблематична (*ваюе* – *агрэсіўны*, *змагаецца* – *дужы*, *кіруе* – *уладны*, *аддае* – *шчыры*, *вучыць* – *адукаваны*, *прыстасоўваецца* – *памяркоўны*). Полагаем, что нужен более широкий контекст, чем предложенная в эксперименте стимульная конструкция. Эксперимент с другой фокус-группой респондентов, увеличение числа респондентов или данные других экспериментов, направленных на выявление имплицативных особенностей глагола, позволят уточнить тип импликации определенной характеристики и смоделировать информационный потенциал глагола.

Большой процент отрицательных ответов указывает на возможность моделирования неимпликационала для стимульного глагола, признаки которого выступают как определенного рода семантические ограничители на роль типичного или «приемлемого» субъекта действия. Три пары стимулов *ратуе* – *слабы*, *ашуквае* – *сумленны* и *губіць* – *добры* получили 100 % отрицательных ответов, что свидетельствует о наличии отмеченных характеристик в составе неимпликационала в значении соответствующих глаголов.

Результаты второго задания психолингвистического эксперимента представляют собой вербально выраженные инференции респондентов. Наиболее частотные ответы, как и в первом задании, указывают на наличие сильной импликации определенной характеристики субъекта обозначенного действия. Реакции первого ранга по частотности необходимо соотнести с общим объемом ассоциативных реакций в поле стимула. Данные о реакциях первого ранга представлены в табл. 2.

Таблица 2

Частотные реакции на стимульные глаголы

Глагол	Характеристика	Процент реакции к общему количеству ответов
<i>слухає</i>	<i>уважливі</i>	68 %
<i>дзякує</i>	<i>удзячны</i>	55 %
<i>вітає</i>	<i>ветлівы</i>	53 %
<i>рупіцца</i>	<i>клапатлівы</i>	49 %
<i>абараняе</i>	<i>абаронца</i>	41 %
<i>камандує</i>	<i>камандзір</i>	38 %
<i>дапамагає</i>	<i>добры</i>	29 %
<i>крыўдзіць</i>	<i>злы</i>	29 %
<i>аберагає</i>	<i>клапатлівы</i>	22 %
<i>вызваляе</i>	<i>вызваліцель</i>	21 %
<i>падкупляе</i>	<i>хабарнік</i>	20 %
<i>дурыць</i>	<i>хітры</i>	16 %
<i>прымушае</i>	<i>агрэсіўны</i>	14 %
<i>падтрымлівае</i>	<i>добразычлівы</i>	13 %
<i>забараняе</i>	<i>аўтарытарны, аўтарытэтны</i>	7 %

Высокая доля реакции свидетельствует о наличии устойчивой ассоциации (стереотипа) в языковом сознании носителей, поддерживаемой системной связью единиц языка [10, с. 4–6]. Такой системной связью выступают словообразовательные отношения (например, *дзякаваць* – *удзячны*, *вітаць* – *ветлівы*) или тематические отношения. В последнем случае можно предполагать закрепление устойчивых тематических ассоциаций системными синтагматическими или парадигматическими связями, представленными в лексиконе для однокоренных слов: *слухаць уважлива* – *уважливы*; *рупіцца* – *клапатлівы*, синоним *руплівы*.

При меньшей доле самой частотной реакции в поле стимула представлена широкая периферия редких (2–4 ответа) и единичных реакций. Например, в поле стимула *Чалавек, які забараняе іншым* представлено 27 различных реакций. Помимо двух ядерных реакций, которые имеют одинаковый процент частоты (по 7 % каждая), некоторые единичные реакции можно объединить в семантические группы на основе общности смысла, например, номинации человека по статусу с общим семантическим признаком 'главный, имеющий власть' *дыктатар, камандзёр, тыран / тэран, дарослы, бацька, дэспат*. К данной группе примыкают номинации органов власти: *улада, урад*; прилагательные, обозначающие характеристики, связанные с властью и статусом человека: *галоўны, уладарны, уладны, дэспатычны*; объяснительная конструкция *мае ўладу*. Семантическое объединение реакций позволяет выделить интегративную смысловую опору инференции [6, с. 3]: признак 'власть' в импликационале значения глагола *забараняць*. Данный семантический признак отражает атрибут, присущий человеку.

Еще одна группа реакций объединяется на основе общего семантического признака 'злость', отражающего негативное отношение к другим людям: прилагательные *злы, злосны, агрэсіўны, жорсткі, сярдзіты*. Негативное отношение к другим определяют и такие реакции как *вораг, пачвара, гадкі*. Здесь, однако, скорее, проявляется субъективность инференциального вывода как реализация стратегии «мое отношение к субъекту действия». Положительных характеристик в поле анализируемого стимула немного: прилагательные *строгі, уважлівы* и глагол *любіць*.

Приведем еще один пример актуализации интегральной смысловой опоры при инференции характеристик человека. В поле стимула *Чалавек, які падтрымлівае іншых* самая многочисленная группа реакций объединяется по признаку 'доброта': *добры, добразычлівы / дабразычлівы, добра-сардэчны, міласэрны, сардэчны, шчыры, гуманны, чалавечны*. Вторая по количеству членов группа объединяет номинации человека по признаку 'близость межличностных отношений': *сябар / сябра / сябр, пабрацім, таварыскі, таварыш*. К данной группе примыкает и реакция *сяброўства*, обозначающая форму межличностного отношения. Аналогичные группы реакций можно выделить в поле стимула с предикатом *дапамагае* по общим признакам 'доброта', 'участие': *добры, клапацлівы, шчыры, добразычлівы, зычлівы, салідарны, эмпат, альтруіст*. Отдельные респонденты указали наименования профессии *урач, псіхолаг*, занятия *валанцёр*,

мецэнат и термин родства *маці*. Указанные реакции также можно рассматривать как актуализаторы признаков 'доброта', 'участие', которые являются частью стереотипных представлений о данных категориях людей.

Выявленная общность разных реакций по определенному семантическому признаку указывает на актуализацию ассоциативно-вербальной сети ментального лексикона у респондентов от единого концептуального содержания к разным способам его вербального выражения в результате инференции. Следует также отметить значимость стратегии словотворчества, которая была реализована в каждом задании и для каждого стимула. Респонденты опирались на знание словообразовательных моделей языка при инферировании характеристики человека, например, *дапамагае – памагаты, дапаможнік, дапамагаты, памочнік*. Существующие в языке однокоренные номинации характеристики или типа личности, как правило, являются частотными реакциями, но обнаружены и единичные номинации, которые образованы по моделям словообразования для решения коммуникативной задачи «здесь и сейчас» (например, *падтрымлівае – падтрымоўца, падтрымальнік, падтрымны*).

Анализ всех полученных реакций подтверждает, что респонденты в процессе инференции характеристики человека из семантики глаголов социальных действий и отношений, помещенных в минимальную конструкцию (семантически ненасыщенный контекст), активируют опоры на лингвистические знания. К ним можно отнести парадигматические и тематические связи слов, поддерживаемые общностью семантических признаков; словообразовательные связи и синтагматические связи (для дополнения неоконченных предложений, для определения смысловой связанности двух предложений). Инференция характеристик человека при восприятии глаголов социальных действий и отношений в минимальном контексте также опирается на экстралингвистические знания общественно одобряемых и неодобряемых действий, норм поведения, на индивидуальный опыт социального взаимодействия, на основе которого выводится и вербально выражается субъективная оценка человека.

Как показал эксперимент, минимальная предикатная конструкция, в которой актанты имеют обобщенное значение, коммуникативно недостаточна для однозначного семантического вывода характеристики действующего лица (агенса). Читатели при оценке смысловой связанности действия и заданной характеристики могут обращаться к разным концептуальным моделям ситуации, «достраивая» условия и обстоятельства действия. Конкретизация контекста действия (например, введение объекта и /или обстоятельств действия, описание серии действий) позволит снять неоднозначность значения предиката и направить инферирование характеристики

по заданной концептуальной модели ситуации, однако и в этом случае результат инференции имеет вероятностную природу. Таким образом, перспективой исследования является проведение психолингвистических экспериментов на материале развернутых синтаксических конструкций и текстов, описывающих действия человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болдырев, Н. Н.* Принципы и методы когнитивных исследований языка / Н. Н. Болдырев // Принципы и методы когнитивных исследований языка : сб. науч. тр. / Тамб. гос. ун-т, Всерос. обществ. орг. «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов» ; отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов, 2008. – С. 11–29.
2. *Апресян, Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика : сб. науч. ст. / Всерос. ин-т науч. и техн. информ. – М., 1997. – Вып. 35. – С. 272–298.
3. *Кубрякова, Е. С.* Язык и знание / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 560 с.
4. *Никитин, М. В.* Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – М. : Высш. шк., 1988. – 168 с.
5. *Суворова, Е. В.* Инференция: принцип антропоцентризма при восприятии нарративного дискурса / Е. В. Суворова // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2019. – Вып. 12, № 5. – С. 249–252.
6. *Голубева, О. В.* Теория эвиденциальности выводного знания: психолингвистический подход : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / О. В. Голубева ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2016. – 47 с.
7. *Heider, F.* The Psychology of interpersonal relations / F. Heider. – Hillsday : Lawrence Erlbaum Associates, 1982. – 322 p.
8. *Stoet, G.* PsyToolkit: A novel web-based method for running online questionnaires and reaction-time experiments / G. Stoet // Teaching of Psychology. – 2017. – № 44 (1). – P. 24–31.
9. *Степанов, Ю. С.* Имена, предикаты, предложения: семиологическая грамматика / Ю. С. Степанов. – М.: URSS, 2021. – 360 с.
10. *Клименко, А. П.* Проблемы лексической системности в психолингвистическом освещении : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / А. П. Клименко ; МГПИИЯ. – Минск, 1980. – 41 с.

Поступила в редакцию 10.10.2023